ББК 60.52

УДК316.7

DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-15-22

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ: ОТ ЭЛИТАРНОСТИ К ОБЕЗЛИЧЕННОСТИ И ПОВСЕМЕСТНОСТИ

TRANSFORMATION OF AUTHORITY: FROM ELITARITY TO DEPRESSION AND LOCALITY

ДИМИТРОВА Светлана ВасильевнаВолгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия

E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

ХАЦЕНКО Александр НиколаевичКамышинский технологический институт
(филиал) Волгоградского государственного
технического университета, Камышин, Россия

E-mail: al.hatsenko@yandex.ru

DIMITROVA Svetlana V.Volgograd State University,
Volgograd, Russia

E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

KHATSENKO Alexander N.Kamyshin Technological Institute (branch)
of Volgograd State Technical University,
Kamyshin, Russia

E-mail: al.hatsenko@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены основные этапы и механизмы становления власти как универсальной, повсеместной силы. Показано, что процессы рационализации, демократизации властных отношений становятся условием возникновения обезличенных форм власти.

В античности власть рассматривалась как средство реализации универсальных законов, в Новое время как результат сознательных действий людей (общественный договор), в современном мире власть является основанием социального развития, «мировой жизненной универсалией». Трансформируясь, власть перестает быть внешней силой, формируя цели, потребности, продуцируя «послушные ей тела». Амбивалентность властных отношений в современных социумах проявляется в том, что демократичность и гуманность способов управления становится основанием для возникновения повсеместных, автономных, обезличенных, тотальных форм власти. А рациональная обоснованность как принцип организации обществ ведет к усилению рисков и снижению возможности прогнозировать дальнейшее развитие. Сущностным отличием власти является также то, что она изначально формируется в процессе деятельности людей, а затем обретает автономность, определяя как ход дальнейшего социального развития, так и продуцируя определенный тип личности.

Ключевые слова: власть, целерациональность, эффективность, дисциплинарная власть, коммуникативные действия, контроль.

Abstract. The article presents the evolution of power relations to determine the essential characteristics, new forms of manifestation of power. In antiquity, power was seen as a means of implementing universal laws, in modern times as the result of conscious actions of people (social contract), in the modern world as the basis of social development, "world universal life." Power, regarded as a social phenomenon, ceases to be an external force, it (power) forms the goals of need and produces "bodies obedient to it." It is shown that the ambivalence of power relations is manifested in modern societies in that democratic and humane methods of governance become the basis for the emergence of ubiquitous, autonomous, impersonal, total forms of power. A rational justification as a principle of the organization of society leads to increased risks and reduced opportunities to predict further development. An essential difference of power is also that it is initially formed in the process of people's activities, and then becomes autonomous, determining both the course of further social development and the production of a certain type of personality.

Keywords: power, purposefulness, efficiency, disciplinary power, communicative actions, control.

Исследование трансформации власти обретает особую актуальность в современных цивилизационных обществах, поскольку характер и динамика изменений указывают на необходимость новых подходов к определению сущностных признаков властных отношений.

Во все времена власть выступала условием, организующим жизнь и деятельность людей. Проблемы управления государством, вопросы о способах взаимоотношения правителя и народа всегда были предметом размышлений мудрецов и волновали людей. Необходимо указать на некоторые тен-

денции к определению сущности властных отношений, сложившихся в социально-философских учениях.

Так, несмотря на оригинальность подходов, к исследованию властных отношений в Древнем Китае и Греции, власть представлялась как одна из форм проявления универсальных законов мира. Необходимость корреляции социального устройства с закономерностями универсума обосновывалась в учениях античных мыслителей. Вместе с тем целостность власти основывалась на элитарности правителей, на избранности людей, способных управлять. Таким образом, законы мира проявляются через приказы правителей, обладающих правом безраздельного господства над людьми.

Значимым для данного исследования будет указание на то, что эволюция подходов к определению сущности знания и его роли в действиях людей приводит к изменениям в понимании природы власти. Логос как принцип развития мира, постижение которого доступно лишь избранным, указывал на то, что власть основывается на возможности интерпретировать, постигать законы мира. Правители-мудрецы поддерживают и реализуют абсолютную власть (природы, логоса, богов). Следовательно, нарушение законов – это разрушение основ мира. Знание абсолютно, власть деспотична.

Принципиально иная традиция к определению сущности власти сформировалась в эпоху Нового времени. Новизна проявляется в признании того, что в действиях людей не только реализуются и сохраняются, но и формируются властные отношения. Власть – есть продукт сознательных действий людей. Следовательно, совершенствование власти сопряжено не с умением следовать универсальным законам Вселенной, а в создании специального типа знаний, направленных на установление законов, выработку концепций об организации социумов, формирование механизмов поддержания общественного порядка. Власть, понимаемая как «результат общественного договора», становится предметом специального рассмотрения в XVII веке.

Совершенствование механизмов формирования и реализации власти основывалось на понимании знания как результата и условия сознательной деятельности людей. Знание перестает быть абсолютным и сакральным, соответственно, власть демократизируется и становится повсеместной.

В условиях современного мира, когда власть пронизывает все виды социальных отношений, обретая повсеместный характер, актуальным становится анализ неинституализированных форм власти. Целью исследования является представление основных тенденций и форм проявления властных отношений.

Анализ ситуаций, при которых расширение индивидуальных свобод, демократичные способы управления становятся условием для возникновения глобальных угроз, низкой степени прогнозируемости дальнейшего социального развития, позволяет говорить о повсеместности и анонимности властных отношений. Высокая калькулируемость и результативность действий человека приводит к появлению механизмов, формирующих мысли, ценности, вкусы, потребности. Власть как результат общественного договора на пути к реализации принципов демократического устройства и достиже-

ния социальной справедливости продуцирует необходимые типы личностей и социальных отношений.

Еще в трудах основоположников Франкфуртской школы М. Хоркхаймер, Т. Адорно постулировалось то, что целью рационального отношения к миру является стремление установить господство над естественным миром и превратить природу в арсенал необходимых средств.

Г. Маркузе разделяет и убедительно аргументирует утверждение о том, что целью развития индустриального общества (и цивилизации вообще) становится установление и распространение властных отношений. Развитие цивилизации проявляется еще и в том, что примитивные формы господства одних людей над другими сменяются установлением обезличенной, повсеместной формой властвования. Основным ресурсом власти в развитых индустриальных странах выступают знания, технический и экономический прогресс, следовательно, и угнетение «...связано не с естественной и технической незрелостью, а с позицией силы» (Маркузе 2003: 256).

Дальнейший анализ истоков появления репрессивной цивилизации позволяет Г. Маркузе вскрыть механизм развития индустриальных обществ, суть которого заключается в том, что эффективность как главный принцип развития социумов направлена не только на удовлетворение потребностей человека, но и на формирование и разнообразие желаний людей. Возникает принцип подчинения, который не был известен примитивным, жестоким, деспотичным обществам. Несоответствие потребления и производительности становится основанием для установления такой формы власти, при которой возможно сформировать человека с определенным набором потребностей и интересов, необходимых власти. Понятно, что в число этих потребностей никогда не будет входить желание свергнуть власть, которая обеспечивает комфортное, безопасное существование.

Тем самым эффективность как один из значимых моментов такого ресурса власти, как знание позволил сформировать аппарат производства и управления, который способен определять «...не только общественно необходимую деятельность, навыки и поведение, но и индивидуальные потребности и желания» (Маркузе 2003: 261).

На взаимообусловленность и даже единство процессов смягчения, властных механизмов и установления тотальных форм контроля указывает М. Фуко в теории «дисциплинарной власти». Объектом воздействия дисциплинарной власти являются не только цели и потребности, но и тело индивида. Механизмами воздействия выступают «забота о себе», самосовершенствование людей, напрямую связанное с увеличением эффективности. Человек, стремясь быть успешным, добровольно и с большим желанием «увеличивает свою пригодность».

По мнению М. Фуко, возникает совершенно новый «захват тела», который осуществляется на уровне механики, подчиненной законом эффективности. Вместе с тем особенность такого принуждения и понятие эффективности предполагает не нацеленность на результат, а подчеркивает значимость самого процесса – упражнение ради упражнения. Технологией такого вида принуждения выступает дисциплина. Важность возникновения и на-

правленность дисциплинарной власти заключается в «продуцировании послушных тел». «Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается «политическая анатомия», являющаяся одновременно «механикой власти»», – пишет М. Фуко (Фуко 1999: 201).

Дисциплинарная власть не предполагает насилия и принуждения, она основана на возникновении и расширении гуманных методов воздействия, на различных практиках, позволяющих индивиду осуществлять заботу о себе. Формируется самый эффективный тип власти – самоконтроль.

В коммуникативистских концепциях возможность преодоления власти инструментальной рациональности рассматривается как перспектива развития обществ и способ демократизации властных отношений.

Значимым в коммуникативных подходах является то, что целерациональные действия рассматриваются как один из эффективных способов насилия. Направленность на достижение поставленных целей и поиск средств для получения результата не являются достаточными основаниями для установления власти. Сущностным свойством власти выступает противоположность любым формам насилия, к числу которых относится и успешное достижение целей. Условием действительно властных отношений выступают не просто успешные, а согласованные действия.

Противопоставление власти и насилия является одной из важнейших тем в учение Х. Аренд. «Сама сущность насильственного действия управляется категорией «средство – цель», а применительно к человеческим делам основное свойство этой категории – это риск, что цель окажется подчинена средствам, которые она оправдывает и которые требуются для ее достижения» (Аренд 2014: 3).

Актуальным в условиях стремительного развития высокотехнологичного мира является подход, определяющий насилие как подчинение средствам; эффективность последних оказывает решающее воздействие на формулировку целей. На взгляд авторов, размышления Х. Аренд о том, что целерациональность необходимо противопоставить власти, имеют под собой основания.

При определении сущности власти анализ взаимодействия целей и средств является значимым. Очевидно, что присутствие власти определяется наличием у нее средств, следовательно, мощное разнообразие средств являются способом распространения власти. Вместе с тем чем более развитыми и совершенными становятся средства, тем более реальной становится возможность их самостоятельного существования. Средства выходят из-под контроля, становясь самостоятельной силой, и подчиняют себе субъектов власти. Согласно учению Х. Аренд, инструменталистская рациональность является ресурсом насилия, но не власти. Именно поэтому власть нуждается в поддержке большого количества людей, в то время как насилие осуществляется при наличии орудий, инструментов.

При этом особое внимание Х. Аренд уделяет недопустимости положений о том, что насилие может быть инструментом власти. Важнейшим ресурсом власти является достигнутое в процессе взаимодействия (коммуни-

каций) согласие людей, а насилие предполагает эффективный набор инструментов, к числу которых могут относиться и орудия, и оружие, и способы манипулирования сознанием людей. «Власть (power) соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно».

Важно отметить, что кризис власти, отсутствие поддержки людьми выражается в необходимости насилия. Тем самым насилие выступает важнейшим признаком отсутствия власти. Установление власти – это процесс преодоления господства, проходящий несколько стадий: установление законов, выражающих волю народа, формирование социальных институтов, которые «...наделяет властью именно народная поддержка, а эта поддержка – не что иное как продолжение того согласия, которое и создало эти законы» (Аренд 2014: 22–23).

Следует подчеркнуть особую значимость исследования о различии таких форм активности, как делание и деятельность у Х. Аренд. Делание – это ориентированность на конечный продукт, это такая форма активности, при которой результатом является исключительно создание или получение необходимой вещи. Такая форма активности формирует инструментальный тип рациональности, в то время как в деятельности важнейшим результатом выступает процесс проявления личностного бытия.

Власть не может выступать средством для достижения каких-то целей. Она как принцип устройства общества, основанного на рациональной обоснованности и добровольных стремлениях людей, должна являться «целью самой по себе». Характеризуя учение Х. Аренд, М. Ямпольский подчеркивает, что «область политического – это область особого рода деятельности, общения людей, в котором люди проявляют себя как свободные существа, обнаруживающие свое бытие в совместном существовании. Делание же превращает людей в инструментальное приложение изготовления вещей» (2014: 123).

Для исследования коммуникативной парадигмы власти является важным то, что подобное разделение видов активности Х. Аренд очень созвучны размышлениям Ю. Хабермаса о «коммуникативных действиях». Формулируя свое учение в традициях франкфуртской школы, Ю. Хабермас указывает на то, что абсолютизация инструментальной рациональности должна преодолеваться в новых формах рационального отношения к миру. Реализуется новый тип рациональности в коммуникативных действиях, ориентирующихся на взаимопонимание: «...в основание парадигмы понимания заложена перформативная позиция интерактивных участников, координирующих планы своих действий путем достижения взаимопонимания по поводу происходящего» (Хабермас 2003: 307).

В работе «Власть» немецкого исследователя Н. Лумана властные отношения представляются как средство регулирования взаимодействия между людьми. Власть неизбежно возникает в процессе коммуникаций людей, при этом она (власть) не является свойством, способностью одного из людей, участвующих во взаимодействии с другими. Власть «...представляет собой жизненно-мировую универсалию существования общества» (Луман 2001: 139).

Подход Н. Лумана к определению сущности власти основывается на понимании общества, которое созвучно положению Т. Парсонса о том, что условием возникновения общества является «система взаимных ожиданий». Общество – это совокупность коммуникаций (событий) которые последовательно сменяют друг друга.

Коммуникативные коды, к числу которых, наряду с властью, относятся истина, собственность, искусство, есть принципы организации, посредством редукции, сведения числа бесконечного числа возможностей социального и психического мира, представлений и переживаний к формированию определенных конструкторов, систем.

Дифференциация современного общества отличается тем, что проводятся различия и выявляется специфика не определенных групп людей, а типов коммуникаций. Человек, участвующий в различных типах коммуникаций, не является элементом социума, он находится вне социальной системы, «как наблюдатель, строитель теорий».

Соответственно и власть – это доведенные до автоматизма действия системы, при которых подчиненные не ждут приказов и не нуждаются в том, чтобы от них потребовали исполнения властных директив. Подчиненные, включенные в систему власти, сами исполняют все необходимые функции, более того, им может быть делегирована «даже инициатива составления приказа» (Луман 2001: 9). Демократизм властных отношений проявляется в увеличивающемся количестве прав и полномочий подчиненных.

Вместе с тем следует указать на то, что обратной стороной расширения полномочий подчиненных является такая степень манипулирования людьми, при которой они уже не нуждаются во внешних властных инстанциях, удерживающих их в повиновении; они не забудут напомнить, создать проект приказа, который подтвердит их статус – подчиненных, исполнителей, рабов. Властные отношения не подчиняют, а продуцируют необходимый власти тип людей. Обезличенность – это условие существования власти, которая «...устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, совершающего те или иные действия, желает он этого или нет» (Луман 2001: 23).

Между тем, определяя природу власти как способ коммуникации, направляющий и регулирующий процессы межличностного взаимодействия, необходимо рассмотреть механизмы действия власти в коммуникативных процессах. Согласно учению Н. Лумана, механизмы власти заключаются в возможности селекции выбора (отбора) возможностей, стратегий поведения. При этом селекция, в результате которой происходит редуцирование (сведение большого числа альтернативных возможностей и вариантов действий к ограниченному), осуществляется исходя не только из собственных желаний и возможностей, но с учетом «ориентации на другого». При любых коммуникациях люди всегда ориентируются на присутствие другого, находясь в состоянии взаимного влияния.

Необходимо отметить, что развитие властных отношений представляются Н. Луманом как возможность отбора (селекции) из большого количества альтернатив. Подчинение проявляется в том, что при существующей воз-

возможности выбора различных вариантов действия власть «...предлагает результаты предпринятого ею отбора и благодаря этому обладает способностью оказывать влияние на селекцию действий (или бездействия) подчиненных перед лицом других возможностей».

Следует отметить, что увеличение числа вариантов выбора, процессы дифференциации общества, ведущие к низкой степени прогнозируемости результатов селекции, согласно учению Н. Лумана, являются показателем силы власти. Слабая власть стремится к ограничению вариантов выбора, а сила власти проявляется в возможности добиваться «...признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается» (2001: 18). Таким образом, усиление власти напрямую зависит от степени увеличения свобод как власть имущих, так и подчиненных.

Проведенный анализ подходов к выявлению и определению сущностных характеристик власти позволил сделать выводы, указывающие на взаимообусловленность тенденций социального развития и форм проявления властных отношений.

Важнейшей формой проявления власти является возможность продуцировать необходимые элементы социальной системы. Социальные институты, виды взаимодействия между людьми, социальные функции и роли выступают не условиями реализации властных отношений, а результатом (продуктом) последних.

Стремление к результативности оборачивается установлением власти эффективности. Власть перестает восприниматься как внешняя принудительная сила и обретает формы конструктивного, мягкого воздействия, которое может осуществляться, быть продуктивным и при полном отсутствии контроля. Тем самым власть не подавляет стремления индивида, а изначально формирует его цели и даже потребности таким образом, что они соответствуют властным идеалам. Целерационально действующий субъект власти формирует условия, при которых исчезает необходимость сопротивления власти.

Изменился и статус властных отношений, власть перестала рассматриваться как способ реализации законов космоса, мирового разума. Власть – это не инструмент и не один из путей реализации мировой гармонии. Власть – это основа, субстанция, цель и средство, продукт и условие социальной жизни. Власть выступает условием не только определенного общественного порядка, но и находится в основании познавательных дискурсов, организует различные виды деятельности и формы коммуникации.

Следует отметить, что власть вновь становится «жизненно-мировой универсалией», автономным, обезличенным основанием (дискурс, код), определяющим как процессы развития общества, так и формирование определенного типа людей. Сущностным отличием такой власти является то, что она изначально формируется в процессе деятельности людей, а затем обретает автономность и определяет ход дальнейшего социального развития.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Аренд, Х. О насилии* / Х. Аренд. – М.: Новое издательство, 2014 – 148 с.
2. *Бурдьё, П. Социология политики* / П. Бурдьё; пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. *Луман, Н. Власть* / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
4. *Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества* / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
5. *Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 416 с.
6. *Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность* / Ю. Хабермас. – М.: Прогресс, 1992. – 234 с.
7. *Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне* / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
8. *Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума* / М. Хоркхаймер. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. – 224 с.
9. *Ямпольский, М. От бытия к инструментальности. Насилие входит в мир* // Х. Аренд *О Насилии* / пер. с англ. Г. М. Дашевского. – М.: Новое издательство, 2014. – С. 116–145.